

УДК 343
DOI 10.36511/2078-5356-2020-4-70-74

Петрянин Алексей Владимирович
Aleksey V. Petryanin

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17а)

doctor of sciences (law), professor, professor of the department of criminal law
Volga Branch of the Russian State University of Justice (17a Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022)

E-mail: petryanin@mail.ru

Куликов Роман Сергеевич
Roman S. Kulikov

кандидат педагогических наук, начальник кафедры уголовного права
Казанский юридический институт МВД России (420108, Республика Татарстан, Казань, ул. Магистральная, 35)

candidate of pedagogy, head of the department of criminal law
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (35 Magistralnaya st., Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation, 420108)

E-mail: petryanin@mail.ru

Неганов Дмитрий Александрович
Dmitry A. Neganov

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (423812, Республика Татарстан, Набережные Челны, пр-т Мира, 68/19)

candidate of legal sciences, associate professor of the department of legal disciplines
Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga region) federal university (68/19 Mira av., Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation, 423812)

E-mail: petryanin@mail.ru

Вопросы эффективности и соотношения некоторых курсов современной уголовной политики: доктринально-прикладные аспекты

Issues of efficiency and correlation of some courses of modern criminal policy: doctrinal and applied aspects

В статье через призму эффективности и соотношения продемонстрировано развитие некоторых курсов уголовной политики в областях развития института преступления в разрезе определения категорий деяний по характеру и степени общественной опасности, а также возможности их снижения на одну ступень с учетом условий, указанных в части 6 статьи 15 УК РФ; неопределенности в юридическом значении признаков состояния опьянения, отраженных

в статье 23, части 1¹ статьи 63 и статье 264 УК РФ; развития отдельных направлений освобождения от уголовной ответственности на примере части 1 статьи 76¹ УК РФ и примечаний к статьям 198 и 199 УК РФ.

Ключевые слова: противодействие, преступная деятельность, уголовная политика, государство, состояние опьянения, преступление, освобождение от уголовной ответственности.

© Петрянин А.В., Куликов Р.С., Неганов Д.А., 2020

In the article, through the prism of the effectiveness of the ratio, the development of some courses of criminal policy in the areas of development of the institution of crime is demonstrated, in the context of determining the categories of acts by the nature and degree of public danger, as well as the possibility of reducing them by one level, taking into account the conditions specified in part 6 of article 15 of the Criminal code of the Russian Federation; uncertainties in the legal meaning and content of the signs of a state of intoxication, reflected in article 23,

part 1¹ of article 63 and article 264 of the Criminal code of the Russian Federation; development of directions of exemption from criminal liability on the example of part 1 of article 761 of the Criminal code of the Russian Federation and notes to articles 198 and 199 of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: counteraction, criminal activity, criminal policy, state, state of intoxication, crime, exemption from criminal liability.

Взятое для исследования направление в разрезе современного развития в целом всей уголовной политики и уголовного законодательства в частности представляет особый интерес как для ученых, так и представителей законодательных, а также правоприменительных органов. Это подтверждается и результатами, полученными в процессе проведенного в 2020 году XII Российского конгресса уголовного права на тему «Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности» [1], что и натолкнуло нас на необходимость демонстрации наиболее ярких, с одной стороны, и вместе с тем весьма дискуссионных, с другой стороны, направлений уголовной политики с определением их уровня эффективности и соотношения между собой, излагая при этом сугубо авторские позиции по их содержанию.

Современная наука изобилует публикациями теоретического и прикладного формата, посвященными современному состоянию уголовной политики, ее эффективности, а также проблемам реализации новых направлений, возникающих в процессе включения в Уголовный кодекс РФ бесчисленных изменений, порождающих внутриотраслевые и межотраслевые коллизии, а также определенные пробелы в уголовно-правовом регулировании.

Полагаем, что методологически правильно начать с того, что же сегодня понимается под уголовной политикой. Доктрина изобилует схожими и полярными авторскими подходами, раскрывающими ее концептуальное содержание [см.: 2—4]. Их анализ дает основание выделить следующие базовые характеристики исследуемого института. Во-первых, уголовная политика — это неотъемлемая часть политики государственной. Ее главным курсом, в чем сходятся все ученые, является противодействие преступности. Во-вторых, точкой соприкосновения рассмотренных точек зрения выступает приоритетная роль государства в развитии уголов-

но-правовой политики. В-третьих, это, конечно же, принципы ее реализации, то есть основополагающие идеи, легитимизирующие формы воплощения уголовной политики. Вышеизложенное еще раз подчеркивает ее главенствующую роль в борьбе с различными формами девиантно-криминального поведения. Полагаем, что в развитии выделенных составляющих уголовной политики и должна проходить ее модернизация. Это должно подтверждаться эффективностью реализуемых уголовно-правовых механизмов.

Кто-то может воспринимать эффективность рассматриваемого направления государственной политики через призму нескончаемо вводимых изменений в Уголовный кодекс РФ. Например, по подсчетам А.И. Бойко, «в кодекс за 20 лет добавлено 53 новых статьи (17% от общего числа первоначальных статей), полностью переделаны 85 статей, в статьи 171, 205, 228, 234, 326 изменения вносились по семь раз, а решения по криминализации клеветы поменялись на 180° с разрывом в четыре месяца!» [5]. Но именно они сломали ранее сформированное внутренне единство и разбалансировали уголовное законодательство, тем самым потянув за собой правоприменительную и интерпретационную практику. Фактически мы сегодня наблюдаем реализацию взаимообусловленных курсов уголовной политики, которые с определенными сложностями пытаются основательно закрепиться в рамках одного нормативного правового акта. Продемонстрируем несколько, как нам кажется, наиболее ярких примеров из Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ.

Первое направление представляет собой гуманизацию ответственности. Мы не подвергаем сомнению целесообразность снижения в 2011 и 2019 годах порогов категорий преступлений по характеру и степени общественной опасности (О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: феде-

ральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50, ст. 7362; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25, ст. 3166), а обращаем свое внимание на часть 6 статьи 15 УК РФ, установившей правило, позволяющее менять категорию совершенного деяния на менее тяжкую. В целом не исключая возможности реализации такого юридико-технического приема, имеющего не только глубокое социальное, политическое, но и экономическое содержание, обоснованно спорными видим некоторые признаки, дающие основания для его применения. В частности, введя в их перечень степень общественной опасности, но не включив характер, фактически нарушили позицию, отраженную в части 1 статьи 15 УК РФ, предполагающую рассмотрение этих характеристик преступления как взаимодополняющих и неразрывных. Это подтверждается и в интерпретационном акте Верховного суда РФ, раскрывающем их содержание. Так, в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2) отмечено, что справедливость наказания, а, с нашей точки зрения, часть 6 статьи 15 УК РФ на это именно и нацелена, должна напрямую зависеть как от степени, так и характера общественной опасности деяния. При акценте лишь на размере наступивших последствий, уровне участия в групповом преступлении, форме вины, но неучете при этом значимости нарушенных благ и ценностей, находящихся под охраной уголовного закона, фактически нарушается и главная идея рассматриваемого нормативного акта, отраженная в задачах Уголовного кодекса РФ, как разтаки и сосредоточенная на охране наиболее важных общественных отношений. Недооценка данного обстоятельства существенно снижает методологически содержательную идею, которая фактически и должна быть заложена в части 6 статьи 15 УК РФ.

Не менее дискуссионным видится еще один признак рассматриваемого основания изменения категории преступления. Использование такой формулировки, как: «суд вправе» свидетельствует не об императивности, а диспозитивности применения предложенного приема. Станным видится не только то, что при определении категорий деяний используются четкие, конкретные признаки. При их же изменении

в разрезе назначения наказания, с учетом положений рассматриваемой уголовно-правовой нормы, закреплены оценочные характеристики глубокого субъективного содержания, что делает данный процесс высококоррупционным и не-объективным. Кроме этого, встает следующий вопрос: «А не нарушается ли таким образом принцип равенства граждан перед законом?», так как изменение категории преступления ставит осужденных за одно и то же деяние при применении к одному из них части 6 статьи 15 УК РФ в неравные условия.

Вторым направлением, являющимся примером разбалансированности современных курсов уголовной политики и, как следствие, ее эффективности, выступает неоднозначная оценка состояния опьянения. Юридическая характеристика данного состояния дана в статье 23, пункте 1¹ статьи 63, частях 2, 4 и 6 статьи 264, статье 264¹ УК РФ. Однако в рамках этих положений наблюдается внутритраслевая коллизия, причиной которой стал курс уголовной политики, нацеленный на ужесточение ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений в состоянии опьянения. Фактически можно продемонстрировать три таких противоречия, два из которых закреплены в Общей части УК РФ. Так, статья 23 УК РФ, закрепляющая базовую позицию в рассматриваемом вопросе, определяет общее правило, по которому лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии любого вида опьянения, подлежит уголовной ответственности, не относя его не к смягчающему и не к отягчающему обстоятельству. Иными словами, лица, допустившие нарушение уголовного закона, вне зависимости от того, трезвы ли они или пьяны, должны отвечать на равных условиях. Вместе с тем, изменения, внесенные в статью 63 УК РФ путем включения в нее части 1¹, заложили принципиально иной подход, который действует и сегодня (О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43, ст. 5440) в разрезе оценки рассматриваемого состояния субъекта преступления. В настоящее время у суда есть право выбора в части отнесения состояния опьянения к отягчающему вину признаку. Подчеркнем, что, как и при изменении категории преступления на одну ступень ниже, здесь также предложено диспозитивное правило. Но, вместе с тем, в отличие от положений части 6 статьи 15 УК РФ, в основу оценки исследуемого состояния положены как характер,

так и степень общественной опасности, и данная позиция не вызывает сомнения. Третий подход, также существенно отличающийся от двух рассмотренных выше, отражен в статье 264 УК РФ. Здесь в императивном формате состояние опьянения безапелляционно выступает отягчающим обстоятельством. При этом остается за рамками нашего понимания, почему прием, реализованный в статье 264 УК РФ, не применен в других схожих деяниях, включенных в главу 27 Уголовного кодекса РФ. В целом же такая юридико-техническая неразбериха указывает на неопределенность и нестабильность уголовной политики в исследуемой области. Полагаем, что более приемлемым (и эта позиция все чаще представляется как в доктрине, так и в разрезе проводимых социологических исследований) будет выглядеть признание отмеченного состояния субъекта отягчающим без какого-либо выбора. Такой прием уже был реализован в УК РСФСР 1960 года и доказал свою обоснованность, состоятельность и эффективность.

Не можем не затронуть третье выделяемое нами направление, посвященное развитию института освобождения от уголовной ответственности, также породившее юридико-технические несостыковки. Например, сравнивая положения части 1 статьи 76¹ УК РФ и примечания к статьям 198 и 199 УК РФ, приходим к выводу о том, что каждое из них регламентирует основания освобождения от рассматриваемого вида ответственности при совершении лицами налоговых преступлений. Однако условия, позволяющие принять такое юридическое решение и закрепленные в рассматриваемых уголовно-правовых нормах, различные, что продемонстрировано в таблице 1.

Таблица 1

Часть 1 статьи 76 ¹ УК РФ	Примечание к статье 198 УК РФ
Впервые совершенное преступление	Впервые совершенное преступление
Возмещен в полном объеме ущерб бюджетной системе Российской Федерации	Полная оплата: — недоимки; — пени; — штрафа

Как теоретически, так и практически изложенные позиции породили значительное количество споров среди ученых, а также представителей правоприменительных и судебных органов. С учетом правила квалификации и действия уголовного закона во времени предлагалось несколько радикально

отличающихся подходов для разрешения выявленной коллизии.

Представители гуманистического подхода апеллировали следующими аргументами. Учитывая, что статья 76¹ УК РФ была включена в Уголовный закон в 2011 году (О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50, ст. 7362), а примечание к статье 198 УК РФ — в 2009 году (О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1, ст. 4), здесь работает правило, закрепленное в статье 10 УК РФ, определяющее условия обратной силы действия Уголовного закона. И связано это было с тем, что буквальное толкование условий освобождения, закрепленных в рассматриваемых статьях, показало, что более мягкими они выглядят в части 1 статьи 76 УК РФ (ущерб), так как предполагали лишь уплату удержанных налогов без каких-то дополнительных финансовых обременений.

Представители противоположного приема настаивали на необходимости обязательного учета условий, указанных в примечании к статье 198 или 199 УК РФ, обосновывая свой подход институтом конкуренции общей и специальной нормы, где к общей отнесены положения части 1 статьи 76¹ УК РФ, а к специальной — отмеченные примечания. Рассматриваемый подход существенно усложнял реализацию механизма освобождения от ответственности, так как предполагал не только уплату недоимки, но и пени, а также штрафа, регламентированного налоговым законодательством. Оба приведенных приема напрямую влияли на эффективность уголовной политики в области противодействия отдельному виду экономической преступности.

На представленную полярность подходов обратил свое внимание Верховный Суд РФ, который в одном из своих постановлений высказал позицию, применяемую сегодня всеми уполномоченными органами. Нашла она свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», где

Петрянин А.В., Куликов Р.С., Неганов Д.А. Вопросы эффективности и соотношения некоторых курсов современной уголовной политики...

под ущербом, указанным в части 1 статьи 76¹ УК РФ, предложено понимать недоимку, пени и штраф, о чем и говорится в анализируемых примечаниях. В целом мы разделяем позицию Верховного Суда РФ, но за границами нашего понимания остается вопрос о целесообразности нахождения в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса РФ тождественных положений, регламентирующих условия освобождения от уголовной ответственности за совершение ряда налоговых преступлений.

Полагаем, что наличие в действующем Уголовном кодексе РФ приведенных выше примеров фактически указывает на кризис уголовной политики. Сверхактивное развитие и кардинальная модернизация уголовного законодательства и в целом всей уголовной политики ставит вопрос об эффективности выбранного сегодня курса противодействия преступности. Существенная рассистематизация уголовного законодательства, а также лишь точечное реагирование на вновь возникающие угрозы требует пересмотра самого концепта уголовно-правовой борьбы с различными формами криминально-девиантного поведения. В этой связи необходима разработка и принятие на законодательном уровне общегосударственной концепции (доктрины) дальнейшего развития уголовного законодательства, в разрезе реализации положений которой и будут устранены внутриотраслевые и межотраслевые коллизии, что позволит существенно повысить уровень эффективности имеющихся сегодня уголовно-правовых инструментов.

Снятие выявленных пробелов, коллизий и недочетов в реализации современных курсов уголовной политики в области развития Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, существенно влияющих на эффективность уголовного законодательства, возможно только в разрезе принятия государственной доктрины (концепции) уголовного права. Примеры ее разработки сегодня уже есть [6]. Вместе с тем, до обсуждения их на уровне законодателя мы еще не дошли, что и парадоксально.

Подводя итог проведенного исследования, подчеркнем, что реализация современных направлений уголовной политики требует кардинальных перемен в одноименном законодательстве. В чем это будет выражено — в дальнейших бесконечных редакциях действующего Уголовного закона или принятии нового — остается риторическим вопросом, ответ на который даст лишь время.

Примечания

1. Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28—29 мая 2020 г. (заочно). М.: Юрлитинформ, 2020. 664 с.
2. Чубинский М.П. очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права: монография. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2008. 435 с.
3. Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 9. С. 6—15.
4. Бойко А.И. Принципиальна ли уголовная политика? // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 2. С. 56—66.
5. Бойко А.И. Причины, подходы и технология анализа эффективности уголовно-правовых мер // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28—29 мая 2020 г. (заочно). М.: Юрлитинформ, 2020. С. 26—30.
6. Голик Ю., Иногамова-Хегай Л., Комиссаров В., Номоконов В. О национальной концепции уголовного права // Уголовное право. 2006. № 2. С. 18—20.

References

1. The effectiveness of criminal law, criminological and criminal-executive counteraction to crime: materials of the XII Russian congress of criminal law, held on May 28—29, 2020 (in absentia). Moscow: Jurlitinform Publ., 2020. 664 p. (In Russ.)
2. Chubinsky M.P. Essays on criminal policy: concept, history and main problems of criminal policy as an integral element of the science of criminal law: monograph. Moscow: Publishing House "Infra-M", 2008. 435 p. (In Russ.)
3. Pobegailo E.F. Criminal policy of modern Russia: the author's concept. *Bulletin of the Russian State University I. Kant*, 2007, no. 9, pp. 6—15. (In Russ.)
4. Boyko A.I. Is criminal policy principled? *Legal policy and legal life*, 2008, no. 2, pp. 56—66. (In Russ.)
5. Boyko A.I. Reasons, approaches and technology for analyzing the effectiveness of criminal law measures. *Effectiveness of criminal law, criminological and criminal-executive counteraction to crime: materials of the XII Russian congress of criminal law, held on May 28—29, 2020 (in absentia)*. Moscow: Jurlitinform Publ., 2020. Pp. 26—30. (In Russ.)
6. Golik Yu., Inogamova-Khegai L., Komissarov V., Nomokonov V. About the national concept of criminal law. *Criminal law*, 2006, no. 2, pp. 18—20. (In Russ.)